
М. Е. ДОБРУСКИН

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПОД ОГНЕМ КРИТИКИ: ВЫМЫСЛЫ И ИСТИНА

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.

Проблема интеллигенции – одна из вечных, всегда актуальных и значимых в общественном мнении, привлекающая особое внимание широких кругов научной общественности и влиятельных средств массовой информации. Это особенно характерно для переломных исторических этапов, когда рушится старый и возникает новый общественный строй и к традиционным русским вопросам «Кто виноват?» и «Что делать?» присоединяется третий вопрос: «Какова роль интеллигенции в обновлении общества?».

Повышение интереса к данной проблеме в России связано с происходящим переосмысливанием исторического прошлого страны и ее интеллигенции, с изменением ее роли в новых условиях. За последние 10–12 лет в журналах и газетах опубликовано более 60 научных и публицистических статей на данную тему, в своем большинстве чернящих и порочащих интеллигенцию.

Не ставя себе целью рассмотреть всю совокупность поднятых в статьях вопросов, автор концентрирует внимание на наиболее значимых аспектах: «интеллигенция и власть», «интеллигенция и сталинизм», «интеллигенция и народ», «интеллигенция и патриотизм», «положение интеллигенции», ее «профессиональный статус» и «социальная природа». Многие из этих публикаций преемственно связаны со сборником «Вехи» (1909 г.), имеют общую с ним социальную базу и политическую платформу. И их ждет та же участь: осуждение и забвение. Но пока что в литературе и публицистике нет откликов на поставленные ими проблемы и пути их решения, как нет еще и новых солидных работ об интеллигенции. Единственная крупная работа последнего времени¹ обращена в прошлое и не за-

¹ Русская интеллигенция. М., 2000.

трагивает современных проблем. Данная статья является первой попыткой аргументированного разбора и конструктивной критики измышлений и обвинений в адрес интеллигенции.

ВОЗВРАТ К «ВЕХАМ».

Чтобы лучше понять современную критику интеллигенции, «обратимся к прошедшему, – писал Александр Герцен, – и постараемся в нем найти ключ к вразумлению настоящего... тогда мы лучше поймем, какой перелом совершается ныне в его жизни и что может вывести его из того печального состояния, в котором он находится»².

Две эпохи в истории России, из которых одна связана с поражением революции 1905–1907 гг., а другая – с поражением советской власти как главного достижения Октябрьской революции (1991 г.), имеют много общих сторон, что позволяет рассмотреть их в сравнении. В настоящем мы всегда находим какие-то черты и особенности прошлого в силу их исторической связи и преемственности.

На обоих этапах проявляется высокая политическая активность как революционно-демократической, так и социалистической интеллигенции. Сходство двух периодов наблюдается и после поражения революции, когда значительная часть интеллигенции отрекается от своих идеалов, частично переходит на противоположные политические позиции либо пассивно приспосабливается к новым условиям. И теперь, и тогда ренегаты обрушивают на интеллигенцию незаслуженные обвинения, стремясь опорочить, дискредитировать особенно ту ее часть, которая связала свои судьбы с революционным обновлением общества. И это нашло свое наиболее яркое отражение в «Вехах», авторами которых были известные философы, публицисты и экономисты. Их политическое кредо: «Враг слева. Лучше реакция, чем революция!»

Обливая грязью освободительное движение, его революционную интеллигенцию, веховцы каялись в своих политических «грехах», клялись в верности самодержавию, ища в нем поддержки в борьбе против народа. «Нельзя и мечтать о слиянии интелли-

² Герцен А. Былое и думы. М., 1959. С. 273.

генции с народом, – писал Михаил Гершензон, – бояться его мы должны пуще всех козней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»³.

«Вехи» вызвали широчайший резонанс во всех кругах российской общественности, но их поддержали лишь самые махровые реакционеры, и прежде всего черносотенцы. В то же время «Вехи» подверглись острой и аргументированной критике со стороны всех тогдашних политических партий, в том числе даже кадетской партии, в которой состояли многие веховцы... «Семена, которые бросают авторы «Вех» на чересчур, к несчастью, восприимчивую почву, суть ядовитые семена». Так оценил «Вехи» лидер партии кадетов Павел Миллюков⁴.

Таким образом, веховские взгляды уже много лет тому назад подверглись уничтожающей критике со стороны выразителей самого широкого общественного мнения, что сказалось и в последующее время, когда революционные идеи получили еще большее распространение среди интеллигенции в связи с февральской и октябрьской революциями 1917 года.

В этих условиях происходила эволюция политических взглядов ряда авторов «Вех», в корне пересмотревших свои прежние позиции. Николай Бердяев признал правомерность и необходимость социальной революции. «Исторический смысл Октябрьской революции» он увидел в том, что «революция ниспровергла господствующие командующие классы и подняла народные массы, ранее угнетенные и униженные. Революция освободила ранее скованные рабоче-крестьянские силы для исторического дела. И в этом заключается исключительный актуализм и динамизм коммунизма»⁵.

В том же направлении изменялось мировоззрение Сергея Булгакова. В книге, опубликованной в 1912 году, вопреки своим прежним убеждениям, он утверждает о «закономерно необходимом наступлении социалистического строя», что, по его мнению, «научно неоспоримо»⁶.

³ Вехи. М., 1998. С. 89.

⁴ Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 459.

⁵ Бердяев. Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1931. С. 101.

⁶ Булгаков С. Философия хозяйства. М., 1990. С. 278.

Эти новейшие взгляды, к которым пришли бывшие активные веховцы, опровергли основное содержание «Вех», отбросили их главный смысл – осуждение борьбы за революционное переустройство российского общества, а вместе с тем и участия в нем интеллигенции.

Несмотря на плачевный финал «Вех», ныне возникли активные попытки реанимации их идей в первоизданном виде по отношению не только к дореволюционной, но и к современной интеллигенции, экстраполируя веховские идеи на нашу действительность.

Одним из зачинателей этой неблагодарной затеи выступил Александр Солженицын, заявив в статье «Образованщина», что «ни один разговор об интеллигенции нельзя вести, не соотносясь с мнением авторов «Вех», и в веховском стиле за ту же «крамолу» писатель очернил, охаял всю российскую интеллигенцию: дореволюционную, советскую и постсоветскую. Пущенный им в обиход термин «образованщина» воспроизводит тот же презрительно-пренебрежительный смысл, который имел бердяевский термин «интеллигентщина»⁷.

Такую же одобрительную оценку «Вех» дает журналист Александр Агеев. По его мнению, «за ответами на современные актуальные вопросы, касающиеся интеллигенции, следует обращаться только к «Вехам», ибо ничего нового современным интеллигентоведом придумать не удалось»⁸. Он зовет интеллигенцию следовать «Вехам», стоявшим на позициях самодержавия.

И нынешние приверженцы «Вех» единодушно осуждают борьбу интеллигенции против самодержавия, как и против нынешнего режима. Гневно порицает дореволюционную интеллигенцию писатель Валентин Распутин за то, что «она объявила войну не на жизнь, а на смерть самодержавию», по которому тоскует писатель⁹.

Те же идеи мы находим в статье философствующего публициста Дины Штурман¹⁰, где автор не только воспринимает худшие черты «Вех», но и идет еще дальше в том же направлении и еще

⁷ Солженицын А. На возврате дыхания и сознания // Новый мир. 1991. № 5.

⁸ Агеев А. Двойной стандарт русской интеллигенции в борьбе против перемен // Знамя. 1994. № 2. С. 117.

⁹ Распутин В. О патриотизме // Новый мир. 1992. № 1. С. 143.

¹⁰ Штурман Д. Об интеллигенции и Вехах // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 96.

правее, чем авторы «Вех», которые все же не отрицали гнета царизма, хотя и осуждали борьбу против него. Между тем Д. Штурман считает, что гнета и вовсе не было, а если он и был, то только по отношению к «противозаконной» деятельности какой-то части интеллигенции, а отнюдь не над народными массами. Это якобы была чисто «оборонительная» позиция самодержавия», его вынужденный ответ на «разрушительные» действия революционеров. В этой связи она критикует справа Бердяева, Булгакова и других за их «левизну» – за отказ от веховских идей в последующие годы.

В ту же сторону развивает позиции «Вех» и бывший марксист, философ Вадим Межуев. Он расширяет зону критики революционной интеллигенции, распространяя ее и на революционеров 60-х годов, которые во главе с Николаем Чернышевским звали Россию «к топору», к ответу революционным насилием на насилие царского режима. По мнению автора, это было ошибочным. Как и другие его единомышленники, он требует от интеллигенции отказаться от политики, от политической борьбы, ограничиться только своей профессиональной деятельностью.

Но призыв к отказу от политики, за устранение от политической борьбы, как верно отметил один из оппонентов «Вех» П. Миллюков, – «это тоже политика, имеет политический смысл»¹¹.

Сегодня это означает призыв к интеллигенции отказаться от своих взглядов и от борьбы за улучшение своего положения. Это значило бы согласиться с обнищанием трудящихся, проявить покорность и смирение перед властью. Именно к этому призывал в «Вехах» Сергей Булгаков, хотя он хорошо знал о неприятии интеллигенцией этого призыва и осуждал ее за непонимание его значения.

«Смирение есть, – писал он, – по единогласному свидетельству Церкви, первая и единственная христианская добродетель... качество весьма ценное, свидетельствующее, во всяком случае, о высоком уровне духовного развития»¹².

К смирению перед властью призывают интеллигенцию и современные авторы. Академик Николай Карлов, ссылаясь на историю ее борьбы за изменение общественного строя, предостерегает

¹¹ Миллюков П. Интеллигенция и исторические традиции // Вопросы философии. 1991. № 1.

¹² Вехи. Посев. Франкфурт. 1967. С. 49.

ее о неизбежном политическом крахе, если она противостоит власти¹³.

В действительности же смирение никогда ни в одном обществе не принадлежало к числу основных качеств интеллигенции. Смирение – удел слабых, трусливых, беспомощных, неспособных к борьбе за свои интересы. **Типичным же качеством большинства интеллигенции всегда является социальная активность, потенциальное стремление к лучшему будущему, хотя и не всегда реализуемое.**

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.

В современной литературе дискусируется вопрос о взаимоотношениях власти и интеллигенции, но не всегда учитывается, о **какой** власти и о **какой** интеллигенции идет речь. Так, академик Карлов рассматривает **всю** интеллигенцию как «целостный организм, единый и неделимый. Единый не только генетически, концептуально, методологически, предметно содержательно, но и социально»¹⁴.

Как видно, автор не учитывает, что интеллигенция отнюдь не однородна, что ее разные слои и группы несут в себе весьма существенные социально-политические и профессиональные различия, далеко не однозначные для всей многомиллионной интеллигенции. На этой основе Н. Карлов делает общий вывод о негативном и презрительном отношении **всякой** власти ко **всякой** интеллигенции.

При всем различии характера власти и политической позиции интеллигенции в разных общественных условиях (царизм, советская власть, постсоветский строй) все же представляется возможным выделить и некоторые общие черты отношения власти к интеллигенции.

Любая власть заинтересована в использовании труда интеллигенции, без которой невозможно само существование государства, но особое доброжелательство она всегда проявляет лишь по отношению к той части интеллигенции, которая стоит на позициях государственного строя, сознательно поддерживает его политику и

¹³ Карлов Н. Интеллигентна ли интеллигенция? // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 9.

идеологию. И власть создает для этой интеллигенции наилучшие материальные и моральные условия, выдвигает их в руководящие органы, удостоивает высоких наград.

С другой стороны, любая власть подозрительно, настороженно или враждебно относится к той части интеллигенции, которая настроена критически или оппозиционно, ибо в ней она видит реальную или потенциальную угрозу своему господству или своим политическим интересам.

Эта часть интеллигенции, различная по своему удельному весу и политическому влиянию, подвергается дискриминации, ущемляется в своих правах и в свободе творчества, не допускается во властные структуры, в ряде стран СНГ подвергается строгой цензуре, испытывает административные воздействия, вплоть до репрессий.

Это означает, что **единого** отношения, **единого** подхода власти ко **всей** интеллигенции не существует. Что касается «презрения к интеллигенции» – это сильно преувеличено. Любой общественный строй, независимо от своей политической сущности, все же понимает и по-своему ценит интеллигенцию.

Особый акцент в вопросах об отношении власти к интеллигенции некоторые авторы делают на советском периоде. До крайнего предела в своих домыслах дошел директор ЦИОМ Юрий Левада, который одним махом исключил интеллигенцию из послеоктябрьской истории, ибо «формально интеллигенция закончилась в 1917 году. После этого она влачила жалкое посмертное существование и стала услугой для бюрократии»¹⁵.

С Ю. Левадой солидарен и ведущий журналист «Известий» Александр Архангельский. Всячески принижая и высмеивая советскую интеллигенцию, он представляет ее в самом неприглядном виде. Оказывается, она «знала, что стране нужно» (это – ценное признание!), но «никогда даже не задумывалась над тем, как этого достичь, с помощью каких механизмов и какой ценой»¹⁶. Она якобы отказалась от своих профессиональных обязанностей и пренебрегала ими.

¹⁵ Левада Ю. К исследованию интеллигенции // Известия. 2000. 24. 07.

¹⁶ Архангельский А. К дискуссии об интеллигенции // Там же.

Философ Эдуард Володин дает уничтожающую оценку облика и деятельности всей российской интеллигенции. «Серость – подлинный уровень многомиллионного слоя. В массе своей она бескультурна, не знает культуры своего народа». «Интеллектуальная импотенция и интеллектуальный пустоцвет» – так огульно и несправедливо оценивается им вся российская интеллигенция.

Володин утверждает, что якобы «интеллигенция не представляет никого, кроме себя самой, не выражает интересы народа, мешая его духовному развитию, обременительна для государства»¹⁷.

Таких несостоятельных, по сути, клеветнических характеристик российской интеллигенции не допускали даже западные советологи. Хотя они критически относились к ее политической позиции, но всегда признавали ее высокую квалификацию и профессиональные достижения. В вышедшей в Лондоне книге «Будущее советского общества» ее авторы признают, что «советская интеллигенция блестяще справилась с возложенными на нее задачами»¹⁸.

Измышления Володина полностью совпадают с «Вехами», где утверждалось, что «средний массовый интеллигент в России в большей части не любит своего дела и не знает его. Он плохой учитель, плохой инженер, плохой врач» и т. д. «У интеллигентов, – писал Глеб Струве, – отсутствует ответственность за свою работу»¹⁹.

Все приведенные оценки интеллигенции в корне противоречат реальной действительности. **Всему миру известно, что, несмотря на трудные условия, подчас трагические для какой-то ее части, интеллигенция самоотверженным трудом прославила свою Родину в науке и технике, культуре и искусстве, в создании экономической и оборонной мощи СССР, завоевала огромный международный авторитет и высокий престиж в своей стране.** Как же можно в свете этих неоспоримых достижений хулить интеллигенцию как беспомощную, несмышленную, не умеющую работать и не способную выполнять свои обязанности? Такие выводы могут делать только «Иваны, не помнящие родства», не уважающие свою историю, хотя сами были ее участниками.

¹⁷ Володин Э. Интеллигенция и народ // *Общественные науки и современность*. 1994. № 3.

¹⁸ *Future Society*. London. 1960. P. 27.

¹⁹ Вехи. Посев. Франкфурт. 1967. С. 49.

Но нельзя не признать, что достижения интеллигенции могли быть намного большими, если бы ее творческая свобода не была ограничена идеологической диктатурой государства и правящей партии и если бы она избежала репрессий, вырвавших из ее рядов немало талантливых деятелей науки, литературы и искусства, способных вносить крупный вклад в духовную культуру.

Сталинские репрессии нанесли огромный ущерб интеллигенции и не могут быть оправданы, хотя такие попытки предпринимают крайне левые политические организации (Трудовая Москва, ВКП (б) и другие). Определенный вклад в реабилитацию Сталина вносит и академик Карлов.

Оправдывая сталинские репрессии, он возлагает вину за их применение... на саму интеллигенцию: «Сталинский режим и его репрессии... – пишет он, – суть закономерный итог, результат вековой работы интеллигенции с ее нетерпимостью и патологической страстью доводить все до абсурдного предела»²⁰.

Значит, в репрессиях виновен не сталинский режим, преступления которого осуждены всем человечеством, а та интеллигенция, которая боролась против него, ибо, по мнению автора, она должна была безоговорочно признать сталинский диктат. Однако, несмотря на тяжелую конъюнктуру и преследования, было немало людей, которые, рискуя собственной жизнью, боролись против сталинского режима. Но это было меньшинство интеллигенции.

Другая ее часть сознательно поддерживала сталинский режим, его злодеяния, из карьеристских и материальных побуждений, получая за свое рвение награды и почести, пользуясь незаслуженными привилегиями за свою позорную и неблагоприятную роль. При преобладании работников правоохранительных и партийных органов среди них были придворные философы и писатели, ученые, пресмыкавшиеся перед Сталиным.

Вместе с тем большинство интеллигенции из разных ее слоев искренне, без каких-либо личных побуждений поддерживало Сталина, так как слепо верило ему, принимало за чистую монету восторженные его восхваления в СМИ. Зная о репрессиях, они считали причастными к ним исключительно органы госбезопасности. Эту ложь

²⁰ Карлов Н. Интеллигентна ли интеллигенция? // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 7.

ную версию всячески насаждал в своих выступлениях сам Сталин, уничтожая одного за другим их руководителей и заметая следы своего личного руководящего участия в организации репрессий.

Широким массам трудящихся не была видна вся эта противоречивая личность, был виден только айсберг этой личности, явственно выступавшие ее позитивные стороны: твердая воля, организаторские способности, недюжинная энергия, управленческий опыт. И только ему одному необоснованно приписывались все достижения советского народа.

Так миллионы людей из всех слоев населения становились объектами того оптического обмана, о возможности которого писал Георгий Плеханов, когда «личность, стоящая во главе движения, заслоняет собой исторические закономерности»²¹.

Вместе с тем глубоко ошибочны попытки антикоммунистов видеть в личности Сталина только негативы и игнорировать ту крупную роль, которую сыграл Сталин в социалистическом переустройстве страны, в создании экономической и оборонной мощи СССР, в разгроме фашизма, в улучшении материального благосостояния советских людей.

После преодоления культа личности Сталина и реабилитации невинно осужденной интеллигенции сохранялся суровый идеологический диктат по отношению к инакомыслящим, строгая цензура над интеллектуальной продукцией и ограничение свободы творчества. В целом ряде случаев деятели литературы, вступившие в противоречие с господствующей доктриной, были репрессированы или высланы из страны (например, Солженицын, Бродский, Синявский и др.).

ПОЛОЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

И только в годы так называемой перестройки произошло изменение идеологической обстановки в связи с отменой цензуры и вынужденным отказом КПСС от своей руководящей роли, что получило свое закрепление после событий 1991 года и породило иллюзии в сознании интеллигенции. Но ожидавшегося ею прогресса не наступило в связи с глубоким экономическим кризисом и переходом к рыночным отношениям.

²¹ Плеханов Г. Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1937. С. 326.

Основная масса интеллигенции утратила свои прежние условия жизни и переживает кризис:

- политический – утрата традиционных идеалов и поиски новых;
- экономический – резкое снижение жизненного уровня при неполной занятости, безработице, при значительном сокращении численности предприятий, учебных, научных и культурных учреждений;

- профессиональный – вынужденная массовая депрофессионализация части интеллигенции в связи с переходом к малоквалифицированному умственному или физическому труду;

- издательский – ограничение возможностей публикации произведений науки, литературы, искусства в условиях их коммерциализации;

- информационный – разрыв связей и сотрудничества с интеллигенцией ближнего и дальнего зарубежья при сокращении научной и деловой информации и невозможности приобретать общую и специальную литературу.

Все эти кризисные явления усугубляются в связи с резким сокращением финансирования бюджетной сферы по образованию в 8 раз, по здравоохранению и культуре в 7 раз по сравнению с уровнем 1991 года и являются тяжелым ударом по жизненному уровню всех категорий интеллигенции, зарплата которых в реальном выражении снизилась в 4–5 раз²². Задержки в выплате зарплаты, длительные отпуска без сохранения содержания, установление дробных окладов размером в половину оклада или четверть оклада – все это вошло в систему во многих учреждениях России.

Сложившаяся ситуация, болезненно отразившаяся в сознании интеллигенции, нашла свое выражение в невиданных в прошлом акциях социального протеста, в массовых демонстрациях и митингах ученых, учителей, врачей, других деятелей, в забастовках регионального и всероссийского масштаба, в движении представителей интеллигенции с периферии в Москву и пикетировании резиденций правительства, президента, Государственной Думы. В ряде городов доведенные до отчаяния специалисты идут на самые крайние ме-

²² Алферов Ж. Речь в Государственной Думе // Советская Россия. 2000. 17. 10.

ры – голодовки, акты самопожертвования, чтобы привлечь внимание властей к тяжелому положению интеллигенции.

Экономя на зарплате интеллигенции и постоянно ссылаясь на финансовые трудности, правительство, однако, затрачивает огромные средства на содержание разбухшего государственного аппарата, на чрезвычайно высокие оклады его сотрудникам, превышающие в 3–5 раз оклады аналогичных по квалификации работников умственного труда. Соответственно обеспечены и народные избранники – депутаты Госдумы и Совета Федерации, оклады которых равны окладам министров.

Не ограничиваясь уже достигнутым, президент в 2002 году подписал семь новых указов о повышении заработной платы разным категориям государственных служащих в полтора-два раза с введением целого ряда надбавок, в общей сложности составляющих не менее 5–6 дополнительных месячных окладов в год.

В то же время обещания о повышении зарплаты разным группам бюджетной интеллигенции остаются пока что на бумаге. И особенно тяжелое состояние переживает наука, ассигнования на содержание которой в 8 раз меньше по сравнению с 1991 годом. Это уже привело к разрушению ряда научных школ и прекращению работы над многими фундаментальными темами. С глубоким возмущением лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов, выступая на заседании Государственной Думы, отметил, что на сооружение жилого корпуса для парламентариев правительство выделило 1,1 миллиарда рублей, что в 4 раза превышает все капиталовложения в российскую науку²³.

В результате снижения условий, необходимых для творческой деятельности интеллигенции на Родине, стал возможным массовый выезд наиболее квалифицированных и талантливых специалистов науки и техники в США и другие развитые страны, а также переход многих из них в сферу бизнеса.

В этой связи вспоминаются слова французского социалиста Анри Сен-Симона, сказанные им еще в XIX веке: «Представим себе, что Франция потеряла пятьдесят своих лучших физиков, пятьдесят своих лучших химиков, пятьдесят лучших физиологов, пять-

²³ Алферов Ж. Речь в Государственной Думе // Советская Россия. 2000. 17. 10.

десять лучших математиков, пятьдесят лучших врачей... Потеряв их, нация тотчас стала бы телом без души, она опустилась бы на дно, и потребовалось бы по крайней мере целое поколение, чтобы преодолеть это несчастье»²⁴.

Как актуально звучит это суровое предупреждение в наше время, когда Россия и Украина, как и другие страны СНГ, теряют не пятьдесят, а тысячи и десятки тысяч своих талантливых ученых и инженеров, эмигрирующих в США и другие развитые капиталистические страны, где они обретают во много раз лучшие материальные и профессионально-трудовые условия.

ПРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

От прошлого сохранились две диаметрально противоположные характеристики морального облика интеллигента: веховская, утверждавшая о крайнем аморализме российской интеллигенции. «Нигилистический морализм, – писал Франк, – есть основная и глубочайшая черта русского интеллигента»²⁵. И советская характеристика, считавшая большинство интеллигенции эталоном высокой нравственности и духовности.

Обе эти характеристики не отвечали действительности, поскольку речь шла об **всей** интеллигенции, тогда как упомянутые качества были присущи лишь ее **некоторой части**.

Среди многомиллионной российской интеллигенции было и есть немало недостойных, аморальных, коррумпированных личностей, пекущихся не о благе народа, а лишь о собственном благосостоянии и обогащении за его счет.

Из этой части интеллигенции вышли и те крупные предприниматели, собственность которых имеет криминальное происхождение. Недаром Анатолий Чубайс назвал современный русский капитализм «бандитским», а Джордж Сорос – «воровским»²⁶. И им можно поверить, ибо они были вдохновителями и организаторами этого дикого капитализма, враждебного интересам трудящихся.

²⁴ Сен-Симон А. Соч. Т. 2. С. 89.

²⁵ Вехи. М., 1998. С. 127.

²⁶ См.: Независимая газета. 1997. 3. 02.

И все же приписывать аморальные качества всей интеллигенции так же ошибочно, как и считать ее всю высоконравственной и безупречной, как это утверждалось в советское время.

Понятие нравственности весьма широкое, обнимает многие стороны облика людей, но основным оселком, ядром нравственности, всегда было и есть чувство патриотизма. Однако за последние годы это понятие в литературе и в политическом обиходе подверглось деформации и нередко утрачивает свой традиционный смысл, такой как любовь к Родине, своему народу, как готовность защитить его свободу и независимость.

«Патриотизм» стал рассматриваться как преданность существующему строю, которая не присуща значительной части населения, в том числе и интеллигенции, и за это ее обвиняют в антипатриотичности, как в настоящем, так и в историческом прошлом. Так, академик Карлов утверждает, что «первая историческая вина ее – не патриотизм». И это относится автором даже к самой видной и талантливой ее части²⁷. Однако никаких доказательств выдвинутых им серьезных обвинений в адрес российской интеллигенции не приводилось.

Видимо, нет нужды приводить широко известные факты о патриотических взглядах и делах подавляющего большинства интеллигенции на всех этапах ее истории, и особенно в годы Великой Отечественной войны. Автор не упоминает эти факты, так как они опровергают его выводы.

Патриотизм интеллигенции он отождествляет с ее религиозностью, как и авторы «Вех», видевшие главную «вину» интеллигенции в ее атеизме. Следуя тем же мотивам, автор утверждает, что «русская интеллигенция виновна в том, что, отвернувшись от православной церкви и тем самым от Бога, забыла об интересах Отечества как целостности. Став «чуждой народу, она погубила и себя, и русский народ». И в этом автор видит «отсутствие патриотизма» у интеллигенции²⁸.

Таким образом, интересы отечества отождествляются с интересами церкви, а неверующим навязывается религиозная

²⁷ Карлов Н. Интеллигентна ли интеллигенция? // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 13.

²⁸ Там же. С. 13.

вера, как это было в свое время с атеизмом, как с государственной идеологией. И то, и другое противоречит Конституции, провозглашенной ею свободе совести, совпадает с взглядами Русской Православной церкви, которая считает моральными людьми только верующих и не признает таких качеств за неверующими и тем более атеистами.

Однако в действительности водораздел между верующими и неверующими лежит не в моральной плоскости, а в отношении к религии – высокоморальные, как и аморальные, люди есть как среди верующих, так и неверующих. Безнравственность, как отмечал Зигмунд Фрейд, во все времена находила в религии не меньшую опору, чем нравственность.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НАРОД.

И в этом вопросе «Вехи» заложили свой ядовитый заряд, чтобы дискредитировать честное имя интеллигенции как борцов за счастье народа, они объявили ее врагом народа, и это касалось именно той части интеллигенции, которая внесла наибольший вклад в борьбу с подлинными врагами народа, выразителями интересов которых выступили «Вехи».

Нынешние искажители взаимоотношений народа и интеллигенции далеки от упомянутых взглядов. Их можно упрекнуть лишь в том, что они плохо знают и народ, и его интеллигенцию и поэтому неумышленно искажают их взаимоотношения. К их числу следует прежде всего отнести академика Николая Карлова, который утверждает, что «с нескрываемым презрением народные массы относятся к интеллигенции в целом, как и к отдельным интеллигентам»²⁹. «С точки зрения «простого народа», – пишет Николай Моисеев, – интеллигенция, как правило, принадлежит к «господам», что определяло ее отношение к ней»³⁰.

В этих высказываниях есть крупинцы истины, но только **крупинцы**, ибо оба автора рассматривают **всю** интеллигенцию без различия ее места и роли как «единое целое».

²⁹ Карлов Н. Интеллигентна ли интеллигенция? // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 12.

³⁰ Моисеев Н. Заметки о русской интеллигенции кануна нового века // Дружба народов. 1999. № 3. С. 41.

Однако следует различать, по крайней мере, два типа отношений народа к интеллигенции. Разумеется, рабочие и крестьяне не любили и не уважали, презирали управляющих имениями, инженеров на производстве, адвокатов и чиновников как верных слуг господствующих классов. Их относили не к интеллигенции, а к «господам», «хозяевам», враждебным народу.

Но совсем другое отношение сложилось у крестьян к учителю, фельдшеру, агроному, земскому служащему, обслуживающим их нужды. Равным образом и рабочие разбирались в том, кто им друг, а кто враг, и сообразно с этим относились к инженерно-технической интеллигенции. Особым уважением пользовались те немногие выходцы из народа, которым удалось при царизме получить высшее образование и выбиться в ряды интеллигенции. Ими гордились их семьи и земляки.

Культурная революция впервые в истории приобщила трудящихся к сокровищам отечественной и мировой культуры, выдвинула из их среды новую рабоче-крестьянскую интеллигенцию, укрепила их связи со старой интеллигенцией.

Народные массы проникались уважением и даже благоговением по отношению к творцам культурных и технических ценностей. Возрастал авторитет научно-технической интеллигенции, создавшей новую замечательную технику и технические средства, преобразующие жизнь людей, доставляющие им радость и удовлетворение. Как же можно утверждать о разрыве между народом и интеллигенцией, как это заявляет Н. Карлов, – «ненавистью общества в целом к интеллигенции. В кризисные периоды эта ненависть густеет и материализуется»³¹.

И здесь мы видим солидарность автора с веховскими идеями с тем лишь отличием, что Гершензон писал о «**бессознательной** ненависти народа к интеллигенции», тогда как Карлов говорит о «**сознательной** ненависти».

Интересные выводы по данному вопросу делает эмигрант Александр Синявский, осевший в Соединенных Штатах и издав-

³¹ Карлов Н. Интеллигентна ли интеллигенция? // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 13.

ший книгу о российской интеллигенции³². По его глубокому убеждению, «интеллигенция в прошлом жила в гуще народа, любя его и разделяя все его беды». Теперь же она показалась плохо информированному писателю напуганной этим же самым народом, и их пути якобы разошлись, и стороны перестали понимать друг друга. Но, в отличие от Н. Карлова, Синявский здесь имеет в виду **не всю** современную интеллигенцию, а только ее привилегированную часть, которую он назвал «правительственной интеллигенцией»³³.

Утверждения академика Карлова могут быть приняты лишь по отношению к той части интеллигенции, которая оторвалась от народа и чужда его интересам, но никак не по отношению к большинству интеллигенции, разделившему со всеми трудящимися их горькую участь. И, разумеется, она не может нести ответственности за создавшееся положение, быть козлом отпущения за все тяготы и лишения, которые терпит народ.

Сила интеллигенции в ее связи с народом, из которого она вышла и которому служит, между ней и другими тружениками нет и не может быть антагонизма. Лозунг союза рабочих и крестьян с интеллигенцией, выдвинутый в советские годы, сохраняет свою актуальность и непреходящую ценность, хотя решает теперь другие задачи. И характерно, что современная критика в адрес интеллигенции идет не от других социальных общностей, а из самой интеллигентской среды, крайне неоднородной не только в разрезе профессий и специальностей, но и по своим социально-политическим, нравственным, религиозным взглядам. Однако критики огульно осуждают всю интеллигенцию, за исключением, разумеется, самих себя. Интеллигенция не безгрешна. В ее составе есть немало недостойных людей, которых нужно осуждать в адресном порядке, не распространяя критику на всю интеллигенцию, как это делают рассмотренные нами «критики». В «критике» явно выступает непонимание или нежелание понять, какую огромную роль играет интеллигенция, несмотря на все ее недостатки, в жизни

³² Бутенко. И. О книге А. Синявского: Российская интеллигенция // Социологические исследования. 2000. № 3.

³³ Бутенко. И. О книге А. Синявского: Российская интеллигенция // Социологические исследования. 2000. № 3.

современного общества, в его материальной, политической и духовной сферах, в управлении государством.